

Души прекрасные порывы

Не кто-нибудь, а сам министр обороны СССР Дмитрий Тимофеевич Язов на днях наложил вето на постановку на сцене московского Центрального театра Советской Армии великой «Орестей» великого Эсхила. Бессмертную античную трилогию собирался воплотить на наших подмостках едва ли не самый известный театральный режиссер мира Петер Штайн. Немец по происхождению. Что, как выяснилось, и стало роковой причиной отказа.

Петеру Штайну 54 года, более двадцати лет назад он основал в Западном Берлине театр «Шаубюне», быстро завоевавший популярность на Западе. На сцене «Шаубюне», в числе прочего, увидели свет рампы «Дачники» и «Мать» М. Горького, «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, чеховские «Три сестры».

Это так, к слову. К вопросу о международной солидарности и взаимоотношениях победителей и побежденных. Именно о них памятуя, и решил Петер Штайн поставить в Советском Союзе «Орестею» — трагедию, повествующую о том, как вражда порождает вражду, о том, как страшна месть, пусть даже и преследующая благородные цели восстановления справедливости.

Сцена Центрального театра Советской Армии подходила как нельзя лучше: нужна большая аудитория, несколько оборудованных сценических площадок. Большую часть расходов по постановке брала на себя немецкая сторона. Актеры театра были готовы работать с всемирно известным режиссером днем и ночью. Коса нашла на самый неподходящий камень.

Мы связались с продюсером постановки Йоханом Ханом. Он сообщил, что несколько обескуражен таким поворотом событий. Нет, о том, что все пойдет просто и гладко, мысли не было: в нашей стране еще полно неразберихи. Но прежде ценой изрядных усилий удавались гораздо более сложные проекты. «Маленькая просьба», — сказал на прощание Хан, — не могли бы вы позвонить вашему министру обороны и объяснить ему, что Петер Штайн — звезда первой величины и обижать его таким незамысловатым образом по меньшей мере неуместно?»

Сказано — сделано. Мы заинтересовались у Дмитрия Тимофеевича Язова, чем не угодил Маршалу Советского Союза немецкий режиссер. И услышали следующее:

Я не понимаю, почему в год пятидесятилетия начала Великой Отечественной войны наш — единственный, кстати, — армейский театр должен предоставить сцену какому-то западному немцу, чтобы он поставил какого-то грека. У театра есть свои задачи. Это прежде всего — воспитание боевого духа у советских воинов и воспевание их подвигов. А я этого немца не знаю, и он ко мне вообще не обращался.

Комментировать не будем, поскольку комментариев в избытке хватает у Эсхила. Первая часть трилогии: «Орестея», «Агамемнон», начинается таким монологом:

О доме плачу я:

В нем нет порядков добрых,
как в былые дни...

Его производит дозорный,
охраняющий от нападков врагов
родной город...

А. КОСУЛЬНИКОВ.

Рассказ, Москва - 1991 - 12 стр.